Несколько слов, прежде чем сделать вместе с читателями первый шаг по лыжне…

Меня часто просят: напиши, что-нибудь обо мне. Близкие, родные, товарищи, знакомые, земляки. Если не говорят, то молча смотрят, а в глазах явно видна эта мысль. Некоторые с хитринкой подсказывают занимательный сюжет, в котором рассказчик занимает едва ли не главную роль. И я не против. Даже рад написать обо всех, лишь бы хватило сил и терпения. Впрочем, это дело поправимое: не в один день река весной вскрывается. Тем более что у меня все есть: бумага, ручка, желание, и время. Хочу рассказать о своих земляках, чибижекцах.

Мысль зародилась давно. Но как написать? Собрать все истории в одну большую повесть сложно и практически невозможно. Кто-то рассказывает мне обстоятельно, его «исповедь» можно «разложить» на пару сотен страниц. Другой целый вечер вспоминает одну и ту же байку. Ну, а третий, вспомнил анекдот, который невозможно забыть. И все это, по-моему мнению, достойно бумаги, пусть тиражом в несколько десятков экземпляров. Это – уже история, которая, без «пера» очень быстро забывается.

Память человеческая коротка, как лыжня, которую заметает снег. Мои рассказы будут небольшими, в несколько страниц, как яркие картинки из жизни таёжников. Может, кто-то из потомков пожелает узнать, как они жили, и перевернёт страницу за страницей... Мне осталось придумать название. Нет ничего проще – озаглавить двумя словами: «Чибижекские рассказы». Но хочу включить не только будние истории о земляках, жителях поселка, но и анекдоты из жизни, какие-то смешные истории, байки. Тогда могу дать название «Чибижекские байки»? Но в словаре Ожегова байка трактуется как «побасенка, выдумка»… Значит, не похожа эта байка на правду. А в моих эпизодах практически все сюжеты будут из жизни.

Думал долго, и, наконец-то, остановился на мысли объединить все рассказы названием «Длинная “лыжня” Чибижека». Объясняю. Длинная – потому что история поселка по документам начинается с 10 февраля 1833 года. А мне кажется – намного раньше. Скоро будет двести лет. А это немалый срок. Дальше слово «лыжня», которое взял в кавычки. Каждый рассказ – «шаг» какого-то героя или героев. Но в целом все эпизоды, «шаги», складываются в одну, общую «тропу», берущую свое начало со времен основания поселка и дошедшую до наших дней.

В рассказах есть смешные эпизоды и немножко грустные, способные вызвать слёзы, остроумные реплики, байки. Судьбы героев – разные и в чём-то похожие. Как на лыжне: спуск под гору – равнина – глубокий снег – крутой подъем – и опять спуск… И «лыжня» прокладывалась разными людьми, далеко не в лучшую «годину», часто при тяжелых моральных, экономических и природных условиях жизни. Но в целом это – история наших местных жителей поселка Чибижек. Осталось только постараться, чтобы «лыжню не завалило снегом».

И то, что вся «лыжня» именуется по названию старательского, золотопромышленного поселка Чибижек, думаю, правильно. В ней будут упоминаться названия многих населённых пунктов и городов: Подлысан, Шинда, Тартаяк, более знакомые – Артемовск, Курагино, Минусинск, Красноярск. Все истории будут «выходцами» из данной местности, а судьбы людские так или иначе связаны с историей этого края.

Как и первый издатель моих произведений Анатолий Петрович Статейнов, который считает, что «будет писать о своей малой Родине всегда», я тоже буду постоянно возвращаться к истокам своей земли, своему родному Чибижеку, к славной, непростой истории таёжных месть и к старожилам, людям, тем, кто эту историю делает.

Остается только заранее попросить у героев «лыжни» прощения за то, что может оказаться «крутой правдой», которую, увы, любят не все. И, всё же – в добрый путь! Приглашаю всех, кому интересно.

Шаг 1-й. **Фляга**

Сложно писать о том, что не знаешь. Иногда для полноты сюжета приходится добавлять свои мысли. Автор многое видел своими глазами сам и считает, что в данном случае кашу маслом не испортишь. И я как очевидец конкретный случай могу преподнести читателю более точно, чем главные герои эпизода. А поэтому, не спеша, вспоминая и уточняя некогда произошедшие события с живыми свидетелями, начнем.

Эта история произошла осенью, вначале октября 1986 года. Я, тогда еще служивый матрос флота Российского, протянувший лямку «духа», а потом «карася» до полутора лет, наконец-то дожил до десятидневного отпуска. Приехал домой, в Чибижек в то время, когда угрюмые горы пребывали в поре золотого листопада, а знаменитые Клади прикрылись горностаевой периной. И вовремя. Еще бы день-два, и мой отец Степан Гаврилович ушел в Тартаяк промышлять соболя до снежного ноября. Вполне возможно, что встреча сына с отцом произошла позже, через полтора года оставшейся службы. Но, видно, было так угодно судьбе, чтобы мы пожали друг другу руки, обнялись, выпили по чарке и провели несколько незабываемых дней в кругу родных и близких.

Встречины были красочными, бурными, как и всегда в нашем поселке. Но не долгими, «благодаря» первому и последнему Президенту СССР Михаилу Сергеевичу Горбачёву и его «сухому закону». Может, это и к лучшему, потому что Гавриловичу надо было срочно заходить на охоту. А осенью промысловику дорог каждый день.

Охотничий участок Тартаяк находится от Чибижека в полусотне километров, которые надо преодолеть в три этапа. Первые девять километров можно проехать на машине или мотоцикле по разбитой транспортом, размытой водами таежной дороге до Перевала. Потом – три километра пешком, под гору, до горной красавицы реки Шинда. И последний этап, оставшиеся сорок километров, вверх по реке – на длинномерной, восьмиметровой самодельной лодке с подвесным мотором «Вихрь».

Отпуск мой заканчивался через несколько дней. Идти с отцом в тайгу до Тартаяка нет смысла. Но помочь зайти, занести котомки до берега Шинды – «святое дело», на что я согласился без колебаний.

В ту пору Гаврилыч работал в горноспасательной бригаде Артемовского рудника при шахте №6, в Чибижеке на должности респираторщика. И по совместительству – шофером на «бортовом» ГАЗ–3. Так что с преодолением первого этапа пути, до Перевала, проблем не было. Командир взвода спасателей Рупека Евгений Николаевич дал «добро на машину», лишь бы она стояла в гараже утром следующего дня. И мои обязанности заключалось в том, чтобы довезти отца до Перевала, помочь ему унести продукты до Шинды, пригнать машину назад и поставить ее в гараж. Все ясно и понятно. Так было не раз. Чего уж проще?

Время – обед. Наконец-то, собрались. Погрузили в кузов котомки с продуктами, привязали собак, ружье – за сиденье. Сами сели в кабину. Батя – за руль. Что, поехали? Оказалось – нет. Надо еще съездить на Безымянку, забрать Мещеряковых. Им тоже в тайгу. И, раз идет машина, надо помогать друзьям.

Мещеряковы – два брата. Старший – Николай, за ним – Леонид, или просто Леха. Несколько лет назад в тайгу, в Горелый ключ, с ними ходил их отец Василий Степаныч. Но последнее время дают о себе знать годы. Шахта никогда не проходит даром. А здоровье не купишь.

Третьим представителем охотничьей братии был Рогачев Владимир, если проще – Ганс (да не обидится на меня настоящий герой этого случая). Кто придумал ему это имя, для меня до сего дня загадка. Может, школьные товарищи или более старшие друзья. Но как метко! И «присохло» к нему это прозвище. Володька действительно похож на немецкого мотоциклиста времен Второй мировой войны, каких показывали в кино. Стоит только надеть серый китель, каску, и вот он – образ настоящего немца. Такой же профиль. С горбинкой нос. Тонкие губы. Постоянная улыбочка. Сухая, чуть сгорбленная фигура. Резкие движения. Голос тонкий, слегка сиплый, как у марала во время гона. Может, не случайно за

свою молодую жизнь он разбил семь мотоциклов «Планета».

Вернулись. Около дома Мещеряковых – «полный сбор». Братья и «Ганс» приготовили большие котомки. Собаки – на поводках у забора. В ограде суетятся женщины, жены братьев, дают последние наставления, где что лежит из продуктов. Ругают мужиков, что вот, машина пришла, а вы, такие сякие, языками не ворочаете.

Николай, не обращая на них внимания, босиком, первый подошел к машине, с десятилитровой канистрой, равнодушно бросил за спину женщинам:

– Молчите, сороки. Мужики в тайгу заходят! И уже Гаврилычу:

– Степан, куда поставить?

Гаврилыч с раскрасневшимся лицом проворно выскочил из кабины, заскочил в кузов, принял канистру:

– Это что, керосин?

– Да нет. Привет от Горбачева, – сухо усмехнулся Николай.

Я сразу понял, что братья Мещеряковы в связи с указом Михаила Сергеевича приготовились основательно. Леха, подавая объемистые котомки, завалился под машину. Ганс, протягивая сухую руку отцу, распушился как глухарь на току. А что говорить про моего отца: он три дня встречал сына…

Наконец-то загрузили котомки, подвязали по углам кузова собак. Потом, подсаживая друг друга, в кузов залезли братья. И сразу же выпили по стопке самогона (из фляжки отца) в честь захода в тайгу. Я сел за руль – поехали!

Провожал нас тоскливым взглядом отец братьев Мещеряковых Василий Степанович. Провожал сынов на охоту, а сам оставался дома. Серое лицо. Мутные, подслеповатые глаза. Сгорбленная, угловатая фигура. И блестки невольной «росы» из глаз…

Запел двигатель. «Газик» легко покатился по проселочной дороге. Я в кабине один. Все остальные – в кузове. Двадцать душ. Четыре человека и шестнадцать собак. Мужики – вдоль бортов, хитро посматривая на батину фляжку. Собаки – по углам кузова, принюхиваясь к котомкам.

Придавливаю на «газ». Еду с такой скоростью, чтобы не задавить корову и вовремя остановиться перед каким-то пешеходом. Сидевшие в кузове, кого не увидят, колотят по кабине: стой! Надо «усугубить» в смысле пригубить по маленькой. Шутка ли: целый месяц не увидятся!

В поселке – все знакомые. Останавливаемся через каждые триста метров. Пока доехали на конец поселка, батина фляжка с самогоном опустела. Но не беда. Есть еще канистра с бражкой.

Я повернул вниз, поехал мимо шахты, на выезд из Чибижека. Ни раньше, ни позже, на шахте – пересменок. Люди идут, смотрят. Мужики в кузове запели «Когда я на почте служил ямщиком». Кто нас знает, а знают все, прощально машут руками: «Пошли… Чтобы вам ни одного соболя в котомку!» Возле клуба с работы идет Ауль Александр. В народе, среди нас, просто Шура. Шутка ли – проходчик! Звучит! Выбритый, отутюженный, но немного уставший. Новенький, бежевый плащ. Черные, атласные брюки. На ногах – лакированные туфельки. Шик, а не мужик! Мне по кабине постучали. Остановился. Ганс спросил:

– Шура, пить будешь?

Александр долго не раздумывал:

– Сухой закон, кто не будет?!..

– Ну, тогда садись в кузов, а то нам некогда.

Шура – один прыжок – и в кузове. Только плащ за гвоздик зацепился. Порвал. Дырка маленькая. Десять на десять сантиметров. Но хозяин синтепонового прикида думал недолго, равнодушно махнул рукой:

– Черт с ним. Новый куплю. А что у вас выпить..?

Ему тут же налили добрую кружку браги. Выпил. Гарилыч стукнул ладошкой по кабине: поехали!

– Куда? – Шура удивленно вскинул брови. – Я со смены, домой надо…

– Не переживай. До Прачки доедем, у Володи посидим. А оттуда придешь, – бухнул Ганс.

К этому моменту у Шуры по всей вероятности уже произошел прилив «чудодейственной сил», и он уже безразлично махнул

рукой.

Я придавил на «газ». Сейчас уже не вспомнить, кто первый подал идею заехать в гости к Володе. Может, Гаврилыч. Или Ганс. Но мне кажется, что всему виной щедрое гостеприимство хозяина заимки, от которого отказаться никак нельзя.

Володей его называют среди старшего поколения. Для молодых – Михалыч. А полностью – Мучта Владимир Михайлович. В Чибижеке личность знаменитая, можно сказать, неповторимая. Во-первых, надо отметить добродушный характер этого человека. Мне кажется, у него в жизни никогда не было врагов. Любому человеку не откажет. Кто-то предлагал написать плакат на дороге у его дома: «Не проезжайте мимо»! На что, я думаю, Владимир Михалыч не обиделся. Во-вторых, – внешность. Для своих шестидесяти лет и богатырском телосложении – вес около полутора центнеров. Михалыч – нерасторопен, покладист. Такова же и его речь, медлительная, нараспев. Мне кажется, что Михалыча можно сравнить с медведем, который съел на пасеке пуд меду (да простит меня дядя Володя за такое сравнение), и стал до такой степени сыт, доволен и равнодушен ко всему происходящему, что, если побежит Шинда на восток, он просто пожелает этому «светопреставлению» удачи. На каждое слово у Михалыча есть своя трактовка, своё название. Возможно, это эхо «старой жизни», память об Украине, откуда он родом. Попробую объяснить некоторые из них, которые буду приводить в этом рассказе. Например, кружка бражки у него – чарка. А бражка – чудесный напиток! (обязательно с восклицательным знаком). Мотоцикл – Карька. Жена Любовь Кузьмовна – казачка. И так далее. Так вот. Когда Михалыч приглашает кого-то в гости, говорит так: «Пойдем на чарочку!» И поэтому и «присохло» у всех на губах: «Поехали к Михалычу, на чарочку»!

Живет Владимир Михалыч со своей супругой на Прачке. Сказать точнее – по Прачечному ключу. Когда-то здесь был большой старательский поселок, много дворов, магазин золото скупки... Да, да уважаемый читатель, это то самое место, где в 1896 году ссыльные Белов и Тархан в шурфе нашли золотой

самородок весом в 32 килограмма. Немного, немало – два пуда. Муляж самородка находится в Минусинском краеведческом музее им. Мартьянова. Но это уже другая история.

От Чибижека до Прачки – два километра, может, чуть больше. Идти пешком – пятнадцать минут. Ехать на машине – пять. Вот почему Шура не отказался прокатиться с нами до Михалыча. Не сложно вернуться назад, в поселок. Тем более что «чудесный напиток» Михалыча «вышибает из ума» трезвого человека с третьей кружки.

Свернули с дороги, заехали. Осторожно, чтобы не зацепить мотоцикл хозяина, который он нежно зовет Карька, я подвернул к воротам ограды. Подвыпившая охотничья компания картошкой посыпалась из кузова на землю. На крыльцо резво выскочил хозяин заимки. Увидев «окрыленную саранчу», он недоуменно округлил глаза, зашевелил губами, и мне стало понятно, что такие гости ему сейчас некстати. И еще показалось, что Михалыч мысленно, про себя, нас просто «отправил дальше, в тайгу». Но, нам уважительно объяснил, что сегодня топит баню, а Кузьмовна пошла в магазин. В общем, дал понять, что нам здесь делать нечего. В доказательство своих слов накинул на дверь щеколду и пошел по огороду к бревенчатому срубу, из которого валил дым. Честная, подвыпившая компания что-то еще спрашивала, кричала Михалычу вслед, но он не обращая внимания, проворно уходил все дальше и дальше.

– Михалыч! Кружку дай! – кричал Ганс.

– Из ладошек попьешь, – не оборачиваясь, отвечал Михалыч.

– Дай воды напиться! – раскачиваясь из стороны в сторону, умолял Леха.

– До Перевала ручьев много! – был ответ.

Михалыч понимал, стоит только кого-то впустить в дом, как другой попросит покурить, а третий намекнет на «чарку чудесного напитка». По доброте душевной хозяин заимки не сможет сказать «нет», и, в конце концов, гости останутся до утра.

Но охотничья братия имела другие виды на ситуацию. Зная добродушный, безобидный характер Владимира Михайловича,

каждый из мужиков уже видел в своих руках литровую кружку. Отказаться от искушения было нелегко. Кто-то «легонько» толкнул дверь. Щеколда упала, путь в дом оказался свободен. Я был трезв, воспринимал ситуацию вторжения в чужие владения с недоумением и даже возмущением, пытался остановить толпу. Но где там!… Один лишь Шура Ауль, оказавшийся к этому моменту наиболее трезвым в сравнении с другими, с опаской посматривал через огород на баню и загробным голосом не переставал повторять:

– Постреляет. Как есть говорю, постреляет…

Тем не менее, все кто был в кузове, в том числе и я, последний в шумной ватаге, ввалились в кухню. В доме никого, только кот заскочил на шифоньер.

Сразу же, как вошли, все расселись по стульям около стола. Думали, сейчас придет хозяин и нальет по чарке. Но хозяин не показывался. По всей вероятности, Михалыч, надеясь на совесть незваных гостей, докуривал очередную сигаретку, ожидая, когда они уедут.

Но, как оказалось, совести у охотничьей братии не оказалось совсем. Это подтвердилось тем фактом, что Гаврилыч, точно знавший местонахождение «чудесного напитка», не дождавшись хозяина дома, сам полез за печку и выставил на середину кухни тяжелую емкость.

«Чудесного напитка» оказалось много. Четырехведерная алюминиевая фляга была заполнена под крышку.

– Вот сейчас, точно постреляет, – ухватившись за голову, простонал Шура.

– Надо в окно посматривать, – спохватился Ганс, выскочил в комнату зала, и вдруг радостно изрек: – А вот оно, ружье!

Курковая двустволка, как это всегда бывает у людей тайги, стояла самом на видном месте, у телевизора. Ганс схватил ружье, вынес на кухню. Гаврилыч отобрал у него «тулку», спрятал под диван:

– Пока будет искать, мы успеем по две кружки выпить.

Открыли флягу, «прогнали» кружку по кругу. Я отказался:

внутри меня что-то остро покалывало как предчувствие недоброго. Стараясь предотвратить события, робко предупредил:

– Батя! Время вечер, ехать надо, скоро стемнеет.

Мое предложение было воспринято как сигнал к действию. Шура меня поддержал, Ганс согласился, братья Мещеряковы дружно закивали головами. Гаврилыч подтвердил:

– Ну, по последней в этом доме! Когда теперь с Володей увидимся?

Я вышел на улицу, сел в машину. Михалича так и не было видно. Наверно, ожидая, когда мы уедем, хозяин заимки докуривал пятую сигаретку. С тоской посматривая на курившуюся баню, я залез в кабину, посигналил, потом завел двигатель «ГАЗика», надеясь, что все побыстрее выйдут.

И действительно, охотничья братия выскочила в ту же минуту. Первым, озираясь по сторонам, вылетел Шура. За ним, открывая настежь двери сеней, ковылял Ганс. Третьими, спотыкаясь и едва не падая, шли Николай и Леха. И – о, Боже! – тащили за ручки злополучную флягу с брагой. Последним, с хозяйской кружкой в руках вышел отец, закрыл за собой дверь и накинул щеколду.

Помню, я что-то говорил, пытался образумить своих спутников. Но фляга практически мгновенно оказалась в кузове машины. А с ней и вся охотничья братия. Как мне тогда показалось, очень даже быстро, не так, как это было на Безымянке, у дома Мещеряковых. Тогда Леху подсаживала его жена Валентина. Теперь же он первым присел у кабины, прикрыл флягу своей курткой без посторонней помощи. За ним сверкнул босыми пятками Николай. Ганс, как заяц, перемахнул с торца одним прыжком. Гаврилыча, предварительно приняв у него кружку, вытянули за руки. Последним через борт завалился Шура, как всегда робко протянул:

– Пожалуй, и я с вами до Перевала прокачусь…

Хлопнули по кабине:

– Давай, пошел!…

Делать нечего, хрустнул коробкой, осторожно поехал прочь от дома Михалыча. А у самого в голове рябчик порхает: «Что-то будет?»

Долго ли, коротко кидало грузовичок по разбитой дороге, но доехали до 57-го разреза. От Прачки – два километра. Гаврилыч стукнул по кабине:

– Стой! По кружке выпьем. На ходу плещется.

Я остановился, заглушил двигатель, жду, когда мои спутники очередной раз испробуют «чудесный напиток». Открыл дверку, смотрю. А они уже выставили флягу посреди кузова, расселись вокруг. Ну, почти как на картине, где запорожцы пишут письмо турецкому султану. Да еще рассуждают о вкусах бражки Михалыча:

– Нет, в прошлый раз крепче была.

–Дак, та – на березовом соку, а эта – на смородине!

– Да ничего, и эта пойдет…

Вдруг слышим сзади, за поворотом, мотоцикл тарахтит. У всех возникла одна мысль: «Кто бы это мог быть?» И, хотя каждый надеялся на чудо, такового не произошло.

Владимир Михайлович выскочил из-за поворота со скоростью Катьки Гнеденко, которая сперла в «Авроре» ведро с грибами, и теперь убегала от коромысла Куликова Витьки по зимней дороге в сторону кочегарки. Теперь, как мне показалось, Михалыч не был похож на добродушного медведя с пасеки. Возмущенное, даже гневное лицо хозяина фляги не предвещало ничего хорошего. Его глаза из-под прищуренных век выискивали виновника, чтобы поставить «печать». А кулак у него, надо честно сказать, был размером с трехлитровый чайник. И горе тому, кто попадет под его «пресс».

Бедный «Карька», а точнее «Юпитер-5», взвизгивал, кряхтел под своим хозяином, издавал какие-то харкающие звуки, как будто умолял сбавить обороты. Но Михалыч беспощадно давил на газ, как будто старался выместить свой гнев на своем новом друге.

Мотоцикл «Юпитер-5» стал его недавним товарищем, купил всего полгода назад. Лично я видел Михалыча в этот момент за рулем первый раз, и немало удивился. Новый, с коляской мотоцикл под своим хозяином робким осликом Му. Конечно же, ездить на мотоцикле Михалыч не умел. Как можно научиться

ездить на нём в шестьдесят лет, если человек ни разу не садился за руль велосипеда? Оказывается, можно. Главное – знать, где газ и тормоз. А на скорости можно ехать и на одной. Соответственно, дорожных правил Михалыч не соблюдал по простой причине: он их не читал! И, если где-то видел дорожный знак, то воспринимал его как столбик, о который свиньи могут почесать бока. И считал, что на проселочной дороге от Прачки до шахты своей все должны ему уступать место.

Позже, через несколько лет мужики рассказали мне такой эпизод. Ехал Михалыч на работу утром. Доехал до кочегарки. Сверху, под горку едет ЗИЛ, водовоз. Конечно же, шофер не знает, что Михалычу надо уступать дорогу, едет по своей стороне, чуть с краю. А Михалыч, как загипнотизированный! Если увидел встречный транспорт, считает, что надо ехать к нему. Шофер водовоза соответственно отреагировал, свернул ближе к обочине. И Михалыч – тоже. Мужик, стараясь избежать тарана, повернул к середине дороги. И Михалыч – тоже повернул. Наконец- то, едва не столкнувшись, остановились друг перед другом в паре метров. После чего Михалыч, приподнявшись с седла, помахал шоферу кулаком, возмущенно заорал:

– Ты что, не видишь, что я на пилораму еду?!..

...Завидев Владимира Михайловича, мужички замолчали, приуныли. Наверно, догадывались, о чем их спросит хозяин фляги. И, что у него лежит в коляске под брезентом. А он, не доезжая, десятка метров, выключил зажигание, подкатился на своем Карьке под борт машины так, что мотоцикл, нервно, паралитически взлягивая колесами, пытался спеть свою прощальную песню.

– Где ружжо?! – взревел Михалыч голосом абрека, у которого ночью украли жену.

– Там оно, Михалыч, дома! – засуетился на полусогнутых Ганс.

– Я его под диван положил! – приложив руку к сердцу, подтвердил Гаврилыч.

– Зачем брали?!

– Так оно… это, того… на видном месте стояло… – стали

наперебой оправдываться братья Мещеряковы.

– Вдруг, кто возьмет? – просипел Ганс.

– Так хто, окромя вас, пакостей, возьмет-то?! – сняв с сопревшей лысины фуражку, вытирая платочком пот, округлил глаза Михалыч.

Мужики, пытаясь оправдаться, что-то заговорили наперебой. Шура Ауль робко предложил Михалычу выпить бражки. Но хозяин фляги проигнорировал. Последний раз, посмотрев на все глубоко презрительным взглядом, поднял за рога своего «Карьку» и в один оборот развернул его в обратном направлении. Затем, щелкнул ключами зажигания, пнул стартер и лихо оседлал своего выгнувшегося «ослика». Мотоцикл взревел от боли, досады и обиды, но ослушаться хозяина не посмел. Зашуршали колеса, Владимир Михалыч погнал домой.

– Ну, вот теперь гони! – с тревогой в голосе проговорил мне отец.

– А по кружке? – выдохнул Леха.

– Эх, я и забыл! Мне же завтра с утра на смену, – как бы невзначай бросил Шура.

– Теперь, мы с тобой – одной крови, – просипел Ганс. – На-ка вот, лучше замахни кружечку…

Долго ли, коротко ехали, не помню. Всех нас подгоняло предположение возможного преследования, ярко представлялись картинки, что будет, когда Михалыч хватится фляги. Кочки, канавы, колдобины, ямы вдребезги разбитой дороги показались затяжным перевалом на Пыхтун. Есть такой затяжной перевал в Сисим, когда давишь на газ, машина воет, но не едет.

Но первый этап пути все же преодолели. Выехали на середину Перевала, до «Гаража». В этом месте все наши местные мужики оставляют мотоциклы и даже машины. Дальше, до Шинды, вместо дороги – две колеи, вымытые водами канавы глубиной по метру и более. Оставшиеся три километра проехать можно только на вездеходе или пройти пешком.

Остановились. Я развернул «ГАЗик», мужики стали вытаскивать из кузова котомки, отпустили собак. В последнюю

очередь сняли флягу, мои спутники «усугубили» по половине кружке. Поднялось настроение, все заговорили, стали обсуждать, как пронести до Шинды флягу с чудесным напитком. В общем, мужички мои, почувствовав безнаказанность, уже предвкушали яркие краски праздника, в честь захода в тайгу.

Но! Рано радовались. Опять же, эхо работающего мотоцикла, как цокот копыт бегущего ишачка, услышали далеко. На мгновенье насторожились: «Кто бы это мог ехать? Может, кто из рыбаков?» По потемневшим лицам мужиков стало понятно: знают, кто это едет.

Так же, как и в первый раз, Михалыч появился из-под горки неожиданно, быстро. Его бедный «Карька», преодолевая крутой подъем, от натуги визжал недорезанным поросенком. Сзади клубился густой, сиреневый дым, как будто к нам ехал не человек на мотоцикле, а маневренный тепловоз выталкивал на горку тридцать вагонов. Резиновые копыта шуршали с пробуксовкой, выбрасывая далеко назад мелкие и большие камни. По всей вероятности, в достижении своей цели – догнать – Михалыч не жалел своего трехногого друга, давил на «газ» до отказа, извергая при этом грозные проклятия таким голосом, что соседних кедров сыпались хвоинки. Да и вид хозяина заимки несколько изменился. Некогда добродушное лицо приобрело серые краски болотистого зыбуна, готового проглотить всех, кто покусился на его частную собственность. Теперь с его лба не надо было вытирать пот. Встречный ветерок обдувал гладкую голову, не давая каплям скатываться на лицо. По всей вероятности, фуражку Михалыч потерял по дороге, и не заметил. Обшлага распахнутой курточки развивались на ветру. Из-за спины торчала суровая двустволка.

Несвоевременное появление хозяина фляги Гаврилыч хотел перевести в шутку:

– О! Змей Горыныч летит!..

Но шутка его не была воспринята как должное. Да и воспринимать ее, кроме меня было некому. Николай сверкал босыми пятками в густых зарослях тальника. Леха, взвалив на свои плечи объемистую котомку, проворно подпрыгивал по

дороге в направлении Шинды. Шура, прикрывшись грязным плащом, лежал за колодиной в кустах. Ганс свернулся клубочком за задними колесами машины. Я тоже, «не рыжий», подумывал: «А не рвануть ли мне по проторенной Николаем тропинке»? И только Гаврилыч, уже не в состоянии передвигать ноги, обречено скрестив на груди руки, с мольбой в глазах взирал на разгневанного преследователя. Может быть, чувство солидарности и шанс защитить отца в тяжелую минуту, остановило меня от бегства.

А Михалыч подкатился на несколько метров, выключил ключ зажигания, вместе с «Карькой» конвульсивно подергался в стиле твист, остановился, заучено сдернул из-за спины ружье. Пальцы – на курках. Вроде приготовился стрелять. Кто знает, что у него в голове?

Гаврилыч пал на колени. Лицо – как у невинного младенца. Хоть и критическая минута, но все одно, невозможно не рассмеяться. Рванул на груди рубаху:

– Стреляй в грудь горноспасателя! Рупека с нами!..

Михалыч опешил от такой наглости, удивленно вскинул брови, покраснел:

– Хто? Ты, Степка, спаситель? – и вдруг захохотал громко, заразительно так, как всегда, при глубоком застолье, в кругу хороших друзей.

– Скажи-ка, дружок! Скоко раз в шахте був?

И… положил ружье на колени! Сразу видно: стрелять не будет. Может, холодным ветерком злость выдуло. Или комичное поведение Гаврилыча рассмешило добродушного человека. Но мне, так сразу показалось, что Михалыч и так никогда стрелять бы не стал. Тем более в человека. Не таков его характер. Просто попугать ружьем хотел.

А Гаврилыч, почувствовав оттепель в душе друга, и того больше заливает, раскачивается из стороны в сторону, наигранно стонет:

– Ну, сам ты пойми, Владимир Михайлович. Ну, как нам к тебе в гости не зайти? Чуть с похмелья не померли: все нутро горит ясным огнем, как на пожаре, сердце останавливается. Руки, как у

парализованного, трясутся. У Ганса вон пена изо рта идет. Леху припадки бьют. Прости ты нас, Михалыч, в последний раз!

– Но ты мне про Гансика не говори, – наконец-то, нараспев, в своем репертуаре заговорил Михалыч. А сам тем временем полез в карман, достал сигаретку, подкурил. Все облегченно вздохнули: оттаял. – У него кажон день пена ротом идеть. А Леху, вижу я, как припадки бьють. Вон, посмотри-ка, какой вьюк в гору попер! У меня Карька стоко не увезеть.

Все потихонечку стали возвращаться из своих укрытий. Николай первый, попал в опалу хозяина фляги:

– Микола! Пашто босой? Лыжи хуть што-ли на ноги одень. В заветерках, вон снег лежить.

– Ничего, Михалыч! Я привычный. В единении с природой надо быть мудрым!..

– Шурик! А ты что ето? Хошь бы фуфайченку приодел. А такомо новый плащщык на портянку похож… – донимает Михалыч. И уже Гансу: – Ну а ты, кренделевый? Неужто тебя так мой расчудесный напиток согнул?

Досталось всем. Даже мне:

– А ты ко што, боец красноморец? Зачем же с ентими дурачками связался? Приехал бы один, посидели, поговорили. А с ними какой толк? У них все на уме: лясы точить, да брагу глыкать. И, завидев, что возвращается Леха, поучительно выкрикнул:

– Брось котомку-то, дурачек! Все одно назад тащить…

Ситуация нормализовалась. Михалыч опять превратился в добродушного медведя–увальня. Докурил вторую папироску, развернул «Карьку» и, перед тем как уехать, хлопнул могучей ладошкой по сиденью:

– Хлягу верните!…

– Как есть дать, принесем! – радостно просипел Ганс. – Даже с рыбой!

– Молчи, дурак, – осадил его Леха. – Самим бы поймать…

Сел Михалыч на мотоцикл, мы его подтолкнули под горку, и поехал домой. На радостях, что все окончилось благополучно, все опять пустили по кругу кружку. Даже я, успокаивая нервы,

сделал пару глотков.

А время не терпит. На западе солнышко завалилось в тучи – будет снег. Недалекие Клади заметало кумаром: торопись человек, скоро ночь.

Глянул я на часы: половина пятого. До темноты осталось два часа. Успеть бы, спуститься под Перевал на Каратавку, к Шинде. Там, дело будет веселее. Там, с обеих сторон, по берегам реки – избушки. Только вот, дойдут ли мои спутники? Непонятно. По-моему, обрадовавшись удачному финалу с похищением фляги, мужики расслабились, приняли еще по одной чарочке «чудесного напитка» и пристраиваются провести ночь здесь, у колес машины. «Забил я в колокола»:

– Давайте-ка, пошли на речку. Все равно идти надо. А здесь что? Холодно, снег пойдет.

Вроде поняли. Стали собираться. Главное – фляга. Из рюкзака выгрузили продукты в машину, все равно завтра возвращаться, все продукты в один раз не унести, поставили флягу. А рюкзак – на плечи Шуры Ауля. Гаврилыч так и сказал:

– Все равно ты налегке! Не идти же тебе пустому!

Как сейчас помню незабываемую картину: Шура – в туфлях, теперь уже грязном, потрепанном плаще, согнувшись в позу бегущего странника, несет на перевал в рюкзаке флягу, которая у него болтается на спине из стороны в сторону.

Братья Мещеряковы и Ганс водрузили на себя «конские» поклажи, только лямки трещат. У Гаврилыча за спиной торба, в одной руке посох, в другой кружка. Мне достались сразу две котомки: одна на спину, другая на грудь. Да ещё собрал у всех ружья, а их четыре, чтобы не потеряли. После чего, сделав глубокий вздох, пошли друг за другом. Я вышел последним, чтобы, так сказать, «проконтролировать», все ли «поднялись» с места, чтобы потом не возвращаться к машине лишний раз.

Вышли все. Первым – босой, с огромной, конской котомкой, поверх которой были привязаны сапоги, Николай. За ним с такой же объёмной поклажей – Леха. Третьим, опасно покачиваясь из стороны в сторону, выписывая кренделя длинными ногами, –

Ганс. Потом, выгибая спину под игривой флягой, приседая гусем, – Шура. Пятый, показывая Шуре дорогу, – Гаврилыч. Последний, соответственно, – я.

Очень быстро всех обогнал. Что тянуться за «убогими»? Последний раз, перед перевалом посмотрел назад: вроде бы, идут все. Облегченно вздохнув, дай Бог ноги, зашлепотил вниз, под гору, на Каратавку.

Этот этап пути для меня прошел менее интересно. Что такого, переставляй ноги, да посматривай, где лучше обойти непроходимые лужи. Как говорит мой отец, в девятнадцать лет не знаешь, «где сердце бьется». Груз на плечах в сорок килограмм все равно, что две пуховые подушки. Лишь бы лямки не порвались.

На берег Шинды, на Каратавку, спустился минут через сорок. Вечер давал о себе знать. Заметно потемнело. Из свинцового неба закапал редкий, но крупный дождь, который очень скоро превратился в мокрый снег. Я подошел к Лехиному сейфу (железная, двухкубовая емкость под замком, куда рыбаки-охотники складывают всевозможные вещи, включая лодочные моторы от «шаловливых ручонок» на время своего отсутствия), приставил за него ружья, котомки, и, не отдыхая, пошел назад, навстречу идущим. Надо помочь мужикам, принести их груз, да проследить, как самому трезвому, чтобы берег речки достигли все из нашей «честной компании».

Не спеша, поднимаюсь, восстанавливаю силы. Настроение хорошее, посвистываю какой-то мотивчик песенки и подбадриваю собак. Надо сказать, что «лохматая банда» из десяти или двенадцати собачьих душ бежала со мной. Когда пришел на Каратавку, они успели «навести порядок», подрались с какими-то чужими собаками и теперь, подняв хвосты, окружив меня спереди и сзади, нехотя бежали обратно. Каждая из них словно говорила безвинными глазами: «Ну, зачем нам, хозяин, идти назад? Пошли лучше в тайгу»! А мне-то как хотелось «померить косогоры» в поисках «синекрылой птицы удачи»… Но оставалось еще полтора года служды где-то там, в далеких волнах Тихого океана.

Иду. Я и собаки. Всматриваюсь вперед. Вот-вот должны

появиться мужики. Дошел до «Первого перекура». Нет никого. Что за дела? По моим расчетам братья Мещеряковы должны меня догнать. Но никого нет. Вот уже и «Второй перекур»… Начал волноваться: «Случилось что?»

А поздний вечер диктует свои права. Стемнело. Под сенью могучих кедров едва видно дорогу. Снег валит, как будто лиса курицу теребит. Хорошо то, что лужи блестят матовым зеркалом. И вот – вершина Перевала! Ну, это уже никуда не годится: так никого и не встретил. Где мужики?

Делать нечего. Надо идти до машины. Прошел около сотни метров вниз. Вдруг – стоп! Посреди дороги что-то стоит. Подошел ближе – фляга! Вокруг – никого. Что за дела? Стал вокруг топтаться, спичками светить. В стороне, на обочине что-то блеснуло. То ли банка из-под консервов или пустая бутылка. Нагнулся, парит. Приложил ладонь, да это же лысина Гаврилыча!.. Спит батя, в ус не дует. Самого снегом завалило, только голова протаяла. Рядом, прижавшись к спине отца, завернувшись в плащ, сопит Шура. Начал расталкивать: где остальные? Шура долго мычал, потом, наконец-то пришел в себя, не знаю, говорит, никого не видел. Посветил спичками вокруг, к своей радости нашел пенек гнилой. Развел костер рядом с ними. Пошёл остальных искать.

Заторопился к машине. Как бы ни замерзли мужики. Проскакал тридцать шагов, глядь: в канаве что-то чернеет. Нагнулся, Леха под котомкой лежит. Стал тормошить, этот очнулся быстрее, спросил, кто я, понял, попросил лямки расстегнуть. Говорит, что споткнулся, упал, а назад, из-под баула вылезти не смог. Так и уснул в луже. Поднял я его:

– Видишь, костер?

– Вижу.

– Иди к нему, я потом котомку принесу.

Вроде пошел Леха. Я дальше, вниз. Почти бегу. Опять что-то чернеет. Разгреб снег – Николай. Этот – вообще босиком. Дрожит, замерз, бедолага. Спросил только, до утра скоро ли? Какой там, до утра! Время половина восьмого вечера. Поднял его, показал на огонек на горе.

– Дойдешь? – говорю.

– Дойду.

Он покрепче оказался, взвалил свою котомку, медленно побрел на костер.

Сложнее всего оказалось найти Ганса. Как я ни кричал, он так и не откликнулся. Добежал до машины – нет никого. Поискал вокруг, бесполезно. Я – назад, к костру. Прибежал, а Ганс уже там, пляшет вокруг костра, как пещерный человек. Оказалось, что он завалился не в канаву на дорогу, а за обочину, в кусты. Но поднялся сам, когда я с Николаем разговаривал, и дошел сам.

Успокоился я: когда все вместе, и сапоги не дымятся. Присел передохнуть, а сам уже намекаю:

– Что, мужики, может, спустимся к машине, доедем до поселка, переночуем, а завтра, пораньше утром назад?!

Где там! Никто и слышать об этом не хочет.

– Возвращаться – дурная примета, – лопочет Леха, потягивая из кружки чудесный напиток.

– Нам и здесь неплохо, – смеется Гаврилыч.

– А меня жена, Танюха из дома выгнала, – сипит Ганс.

– Мне только утром на работу, – качает головой Шура.

Николай равнодушно шевелит пальцами ног, спрашивает, где у него сапоги.

Дал ему его сапоги. Думал, он их на ноги оденет, хоть немного согреется. А он, резинки – под голову, чтобы мягче было, а пятки – в костер. Так теплее. Покачал я головой, да делать нечего. Пошел в темноту, пеньки сшибать для костра.

Местные хорошо знают, что на том месте, где «расположились» мужики на ночлег, хороших дров сразу не найти. Когда-то леспромхоз вывез всю деловую древесину. На месте вырубок разросся густой березняк да тальник. Найти хорошую сушинку – проблема. Да и как это сделать без топора и фонарика? Вот и пришлось мне бродить по чертополоху, на ощупь выискивая гнилые, трухлявые пеньки. Хорошо, что Шура помогал. Вдвоем веселее.

Ночь прошла без каких-то приключений. Думал, что к утру

замерзнем, простынем. Шутка ли, ночевать на открытом, лобном месте, где ветер подвывает, а снег размером с кружку Михалыча валит? Но к утру, к моему превеликому удивлению – хоть бы кто чихнул. Может, причина – фляга, которая стояла в двух шагах на дороге. Поспят мужички часок, другой, проснутся разом, примут по кружке чудесного напитка, сходят в тайгу, да опять на боковую. Или жаркое пламя костра прогнало от них мороз. Никому не привыкать ночевать под кедрами. Братьям Мещеряковым – особенно. С малых лет – на малошинденских озерах, каждый кедр знают.

Наконец-то наступило утро. Пришло как-то сразу, неожиданно, мутной серостью далеких, черных гор. Снег прекратился. С Шинды, от московского гольца потянуло холодом. Все пеньки, которые мы с Шурой посшибали ночью в округе на триста метров, кончились. Костер начал гаснуть.

– Что-то я замерзать начал, – прохаживаясь босыми ногами по десятисантиметровой перенове, проговорил Никола.

– Так, какого черта мы тут сидим? – дал команду Гаврилыч.

Этот возглас был воспринят как призыв к действию. Все вдруг засобирались, встали, прилепили к спинам котомки и гуськом подались вниз, на Шинду. Впереди всех, радуясь, что их наконец-то ведут в тайгу, бежали собаки. За ними, согнувшись кренделем под конской ношей, бежал Ганс. Потом, покрякивая, поправляя на ходу лямки, вприсядку шлепотил Леха. Третьим по проторенной тропке, босиком топал Николай. Свои сапоги он отдал Шуре. Не идти же ему по снегу в туфлях!

Гаврилыча и Шуру можно описать поподробнее. Шура – в огромных, сорок седьмого размера сапогах, своем новом, но уже грязном, мятом и рваном, плаще – нес на горбу в рюкзаке флягу. Сзади, с посохом в одной руке и по-прежнему с кружкой в другой, семенил Гаврилыч. Позади всех, теперь уже не допуская, чтобы кто-то отстал, – я. На спине у меня – торба отца. Помню, как я не переставал хвататься за живот от смеха, когда Гаврилыч, предлагал впереди идущему:

– Шура! Ну, давай, я тебе помогу. Присядь на кочку, посиди

немного, а я кружечку почерпну…

Много ли, мало времени прошло со времен этого случая? Мне кажется, что все было только вчера. Может, потому, что так неповторимы были «краски» приключений, над которыми потом хохотал весь поселок. Так всегда бывает, когда передаются подобные случаи от одного к другому, они обрастают новыми подробностями. Но, поверьте, вышеописанный текст наиболее достоверно передаёт события. Это могут подтвердить все герои истории, которые до сего дня живут в Чибижеке. Кто-то из них вспоминает тот день со смехом. Кто-то, с запоздалым раскаяньем и страхом: обошлось, не перестрелял их хозяин фляги! И только я знаю точно: не стал бы Михалыч стрелять никогда. Не тот он человек! Вспоминая, широко улыбается. И всех, кого бы ни увидел из тех, кто был в его доме, спрашивает:

– Ну, што, охломоны? Когда хлягу с рыбой принесете?…